

**ИНДОНЕЗИЯ: ВЫБОР МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

В 1960-х и 1970-х годах в Индонезии и в ряде стран, приступивших к преобразованию колониальной структуры национального хозяйства, стала реализовываться концепция «импортозамещающей индустриализации». Она началась с создания единичных государственных промышленных предприятий и некоторой регламентации ремесленного и кустарного производства. Крайне низкий уровень применяемой технологии и несоответствие принятым стандартам лишали возможности выхода предприятий на внешний рынок.

Набиравшая популярность в среде индонезийских экономистов теория зависимого развития основывалась на стоимостных сопоставлениях выпускаемого продукта. Цены на сырьевые экспортные товары были низкими, а покупаемая импортная продукция стоила дорого. Отсюда возникала идея на основе выравнивания разбалансированности стоимостных соотношений развивать предприятия, производящие готовую продукцию. Однако национальный капитал был слаб, профессионализм работников невысок. Работающие на несложных технологиях предприятия не могли конкурировать на мировом рынке с мощными иностранными корпорациями.

Преобразования затруднялись и из-за количественно ограниченных и качественно оставлявших желать лучшего профессиональных кадров. Как отмечал Мануэль Кайсиэпо «политической системе Индонезии, начиная с 1945 года вплоть до падения режима «нового порядка» в мае 1998 г., был присущ патримониальный характер. В то время как кардинальные перемены в столь большом государстве могли произойти лишь при наличии значительного слоя людей, способных определять и выполнять поставленные цели. В то же время большинство традиционных институтов сохраняли свою обособленность и методы мобилизации населения. В отдельных провинциях восстанавливали свое влияние династии традиционной знати. Тем

не менее, рост среднего класса начался, формировалась профессиональная и образованная бюрократия современного типа. Ключевую роль в этих процессах сыграло становление национальной системы образования ставшее лучшим наследием «старого порядка», т. е. правления провозвестника индонезийской революции Сукарно (1945-1966). Особое место в общественной жизни страны стали занимать появлявшиеся университеты и институты высшей школы.

В период «нового порядка» (1966-1998) капиталистические отношения значительно продвинулись, происходила концентрация капитала, появились и крупные обладатели капитала и собственности. Однако их влияние было значительно меньше, чем влияние бюрократии, технократов и военных. Одновременно создались механизмы, препятствовавшие вхождению в их круг новых лиц.

Набиравшие силу представители крупного капитала стремились купить власть. Наряду с различными видами коррупции широкие масштабы приобрела покупка голосов избирателей. Формировались связи типа «патрон-клиент». Благодаря купленной власти и политическому патронажу многие политики и бюрократы занимали высокие посты. При этом они находили пути для приумножения богатства не только для себя, но и для своей группы. Расхищая богатство, они не различали, частная ли это собственность или собственность государства. Побороть укоренившийся институт коррупции на основе этического кодекса, создания наблюдательных комиссий и т.п. практически было невозможно. Бороться с этими негативными явлениями, согласно мнению многих аналитиков, возможно на основе закона, путем введения ответственности, как за дачу взятки, так и за получение мзды и ряда других кардинальных мер¹. Постепенно с наращиванием прямых иностранных инвестиций, с которыми в страну приходили и современные технологии, Индонезия стала совмещать импортозамещение с экспорториентированным производством. Это позволило переходить к решению отдельных проблем модернизации. Расширявшаяся со временем модернизация начинала постепенно проникать в институциональную, экономическую, политическую, технологическую сферы. По сути, такая модернизация означала попытку

вступить на путь догоняющего развития. Чрезвычайно сложные процессы модернизации, на которую возлагались большие ожидания общества, предполагали высокие темпы роста. Но при низкой конкуренции индонезийских товаров на внешних рынках вряд ли это было возможно.

В отличие от Сингапура и Малайзии в многоукладной индонезийской экономике капитализм развивался преимущественно в анклавных формах. Государство создавало необходимые институты и механизмы для создания первых промышленных отраслей. Государство создавало и материально-техническую базу государственного сектора в экономике.

Определенное развитие получило планирование. С начала 1970-х годов разрабатывались и реализовывались пятилетние (среднесрочные) планы (*Rencana penelitan pertama — repelita*). Первый из них был рассчитан на период с 1971 по 1975 гг. Однако лишь после завершения *repelita II* было объявлено, что пятилетние планы являются составной частью долгосрочной стратегии социально-экономического развития (1971-1995). Следует отдать должное многим индонезийским экономистам, которые, несмотря на жесткий авторитаризм и вопреки ему, сумели преодолеть гиперинфляцию, а также укрепить экономические функции государства и добиться позитивных сдвигов в экономике и обществе. Взятый ими экономический курс способствовал достижению позитивных результатов, обнародованных в 1995 году. Одновременно была разработана и принята Вторая стратегия долгосрочного социально-экономического развития, рассчитанная на период 1996–2020 гг. Однако ее реализация была прервана разразившимся во второй половине 1997 года финансовым и политическим кризисом.

Индонезийское правительство в отличие от кабинета Малайзии, возглавляемым премьер-министром Махатхиром Мохамадом, заключило соглашение с Международным валютным фондом об оказании помощи в деле преодоления кризиса. Однако вскоре стало ясно, что ряд рекомендаций экспертов МВФ оказались контрпродуктивными. Более того, следуя курсу МВФ, Индонезия практически утрачивала свою самостоятельность в проведении экономической и социальной политики.

Вместе с тем именно резкое ухудшение экономического положения в Индонезии в результате такого курса вызвало массовые протестные демонстрации, вынудившие Сухарто уйти с поста президента после 32-летнего правления. Низвержению авторитаризма активно содействовала часть поднимающейся индонезийской буржуазии и формировавшегося среднего класса.

Вынужденный уход Сухарто с поста главы государства в мае 1998 г. обнажил суть авторитарного режима, создавшего высоко организованную систему коррупции, коллизии и nepotизма (Korupsi, Kolusi, Nepotisme — KKN). Широкое развитие в различных районах страны получили неопатримониальные отношения. В результате узкий круг лиц получил возможность создавать конгломераты компаний. Анализируя специфику индонезийской модели развития при режиме «нового порядка», профессор Института социальных исследований (Гаага) Р. Робинсон оставлял открытым вопрос — «пойдёт ли новая политическая и предпринимательская элита на кардинальные перемены, или же мы увидим эволюцию капиталистического общества?»².

Вице президент, представитель технократии Б.Ю. Хабиби после смещения Сухарто получил пост президента на основе положений Конституции, устанавливавшей порядок передачи власти. Понимая необходимость кардинальных перемен, он провозгласил «эру реформирования», что подразумевало проведение постепенных реформ не только для изменения состояния практически всех отраслей национального хозяйства, но и в обществе. Преобразования он начал с политической системы, сняв ограничения на численность партий и упростив порядок их регистрации. Основные усилия правительство сосредоточило на сдерживании финансового кризиса. Однако срок правления Б.Ю. Хабиби оказался слишком кратким для решения стоявших перед страной огромных задач.

После падения режима «нового порядка» эйфория, возникшая на основе значительных, а главное, слишком быстрых перемен, охватила широкие круги индонезийского общества. Однако реальная ситуация в стране несколько умерила преждевременные ожидания кардинальных преобразований.

Следующим президентом стал поддержанный мусульманским электоратом Абдуррахман Вахид. В 2000 г. он издал постановление № 96, которое определяло закрытые и открытые отрасли и сферы для деятельности иностранного капитала. К числу закрытых отраслей относилось сельское хозяйство, рыболовство, добыча кораллов. В области промышленности ограничения были небольшими, например, не разрешалось строить химические предприятия, которые наносят ущерб окружающей среде. Закрытым для ПИИ объявлялось производство оружия и его компонентов. В сфере транспорта не допускался иностранный капитал в авиационное сообщение, высокочастотные службы мониторинга и спутниковую связь. Во многих отраслях и сферах хозяйства были сняты некоторые ограничения, которые вводились с 1967 года.

Смягчение инвестиционного климата содействовало увеличению притока ПИИ³. Однако проводимая Абдуррахманом Вахидом политика во многом оказалась противоречивой, что обусловило его импичмент.

Следующим требованием оппозиционных сил было расширение автономии районов и проведение демократизации общества. В обстановке острой внутривластной напряженности новое правительство, получившее название *gotong royong* (взаимопомощь и взаимоподдержка), во главе с президентом Мегавати Сукарнопутри объявило, что оно будет проводить политику, исходя из принципа сильной, централизованной, но демократической власти, сохранения единства и целостности унитарного государства. Наряду с переговорами с повстанцами и мерами по восстановлению порядка и безопасности, была произведена коррекция вертикали власти. В конце 1999 г. были приняты Законы № 22 «О правительстве районов» и № 25 «О соотношении центральной и районной власти». Затем последовала серия реформ, которые формально вводили демократию и одновременно меняли порядок выборов и назначений администрации районов первого и второго уровня, а также муниципалитетов. Кардинально менялась политика бюджетирования и распределения доходов от эксплуатации природных ресурсов между центром и районами.

Борьба с ККН и требование передать власть «чистому и подотчетному правительству» способствовали росту популярности массовых партий и формированию новой политической и властной элиты. После учреждения «Антикоррупционного агентства» на волне проводимых с 2000 г. реформ произошли определенные прогрессивные изменения, что повысило авторитет Индонезии на мировой арене. Правительство поощряло приток местного и иностранного капитала и предоставляло инвесторам новые и значительные льготы.

Однако, как считали оппозиционеры, большинство которых составляли неолибералы, система управления не становилась лучше. Несмотря на тяжести кризиса, многие конгломераты компаний уцелели, так как своевременно получили в ряде случаев чрезмерно большую финансовую поддержку правительства. Устоял и коррупционный механизм, использовавшийся искателями ренты. Не появились и новые реформаторские партии, ибо значительная часть реформаторов предпочла присоединиться к старым партиям. Демократия проявилась, считали они, в основном в расширении доступа к патронажу. Положение усложнялось расширявшейся практикой применения незаконных методов, получившие название «политика денег».

Тем не менее, главную задачу – стабилизировать макроэкономику и выйти из острой стадии кризиса – кабинету *gotong royong* (взаимопомощь и взаимоподдержка) в основном удалось решить. Это оказалось возможным благодаря и деятельности Совета по вопросам экономики, который возглавил Эмиль Салим, многократно занимавший министерские посты в различных кабинетах. По своим функциям Совет примерно соответствовал Комитету экономических советников в США, но по составу он был более разнородным, а его деятельность менее эффективной.

К концу правления правительства Мегавати Сукарнопутри темпы прироста ВВП составили 5,1%, доход на душу населения оценивался в 1 300 долл. США, т. е. практически он достиг уровня 1997 года. Внешний долг сократился со 100% до 60%., а валютные резервы составили более 33 млрд. долл. США⁴.

На фоне таких показателей в 2005 г. состоялась передача правления «правительству единой Индонезии» во главе впервые в истории Республики избранным на основе всеобщих выборов генерал-лейтенантом в отставке Сусило Бамбанг Юдойоно. В первые сто дней усилия «правительства единой Индонезии» были направлены на замирение с повстанцами в Ачех и ряде других районов. Одновременно была принята программа развития и модернизации инфраструктуры. За этим последовало учреждение новых финансовых институтов, которые были призваны содействовать изысканию средств для сооружения наиболее крупных объектов инфраструктуры.

Первый блок программы включал модернизацию энергетики, телекоммуникаций, транспорта (от морского до трубопроводного). На строительство 91 объекта требовалось, согласно предварительным оценкам, свыше 21 млрд. долл. США. Еще большие инвестиции были необходимы для развития энергетики⁵.

К концу того же года был издан Закон № 25 «О системе планирования развития национальной экономики». На его основе восстановилась работа «Бюро планирования национального строительства» (Badan Perencanaan Pembangunan Nasional – BPPN). Индонезийские плановики приступили к разработке среднесрочного плана на 2005-2010 гг. Выработка новой экономической стратегии потребовала большего времени. В ней были поставлены три задачи: добиться высоких и устойчивых темпов роста на основе интенсивных капиталовложений и расширения экспорта; стимулировать развитие реального сектора, создавая рабочие места; содействовать модернизации сельских районов. Таким образом, почти через 10 лет после начала финансового и политического кризиса «правительство единой Индонезии», во главе с С.Б. Юдойоно стало постепенно восстанавливать и укреплять основные государственные институты.

Однако форс-мажорные обстоятельства, создавшиеся в результате сильнейших природных катаклизмов, осложнили проведение намеченного курса. Индонезийский архипелаг называют Тихоокеанским огненным кольцом из-за наличия на разных островах почти тысячи вулканов, 200 из которых дейст-

вующие. На архипелаг приходится 90% всех землетрясений, которые происходят в мире, при этом 80% являются сильнейшими. Нередко вслед за ними следуют цунами. С 1991 г. по 2009 г. в Индонезии произошло 43 землетрясения, причем в 18 случаях они сопровождались цунами. Принятый в 2000 г. Закон № 25 и следующий № 24 от 2007 г. были направлены на снижение риска угроз бедствия и их последствий. Однако в настоящее время лишь в 2-3 провинциях из 33 созданы предусмотренные этими законами структуры по управлению бедствием (Disaster Management) и сокращению риска бедствий (Disaster Risk Reduction). Как справедливо отмечает исполнительный директор Гуманитарного форума Индонезии Хенинг Парлан, «учитывая частоту и силу стихийных бедствий, в центре внимания правительства должна быть система раннего предупреждения о грозящих бедствиях, и налажена работа упомянутых выше структур»⁶.

Одно из самых сильных бедствий произошло в 2004 г. в Паданге (Западная Суматра), Ачех и на Северной Суматре. Число жертв превысило 230 тыс., а пострадавших - 1,4 млн. В восстановительных работах и оказании медицинской помощи пострадавшим принимали участие многие страны, в том числе Россия. В мае 2010 г. глава Чрезвычайной комиссии президента (Presidential Task Force) и распорядитель Фонда помощи Индонезии Кунторо Мангкусуброто отчитался за проделанную работу по восстановлению пострадавших районов и реализованные средства оказанной помощи на общую сумму (включая Ачех и о. Ниас) 14,4 млрд. долл. США. За шесть лет удалось поднять из руин города и поселки, построить объекты инфраструктуры, создать тысячи рабочих мест. Во втором кабинете С. Б. Юдойоно он осуществляет мониторинг принятых программ реформирования экономики.

Концепции «народной экономики»

Специфической чертой структуры экономики Индонезии является ее многоукладность. Менявшиеся правительства, различные составы стратегических групп политиков, экономистов и социологов на протяжении почти 60 лет искали и находили с различной степенью успеха и ошибок, наиболее подходящие, по их мнению, модели социально-экономического и социо-

культурного развития. Были испробованы различные теории и парадигмы, создавались и распускались институты, обеспечивавшие плановые начала или же базировавшиеся на рыночных механизмах. Делались и попытки приспособить традиционные для индонезийской экономики институциональные организации, обеспечивающие развитие низших укладов, а именно кооперацию, микро- малое - и среднее предпринимательство.

Все больше сторонников набирала концепция создания «народной экономики» (*perekonomian kerakyatan*). Другим ее инвариантом является «общественная экономика» (*perekonomian masyarakat*).

В начале 1980-х гг. патриарх индонезийских аграрников Мубиарто считал неприемлемым для Индонезии капиталистическое развитие. Профессор заявлял, что в Индонезии должна быть «экономика Панча сила» или «народная экономическая система». В ее создании должны принимать участие не только государство, но и все слои общества, включая низшие⁷. В свою очередь профессор Богорского сельскохозяйственного института и министр сельского хозяйства Бунгаран Сирагих был сторонником «общественной экономики». При этом он рассматривал аграрный сектор как основу экономики, или как аграрный бизнес, использующий местные ресурсы и ориентированный на экспорт. Он также считал необходимым сократить резкую неравномерность в распределении и перераспределении общественного продукта и устранить чрезмерную концентрацию экономического могущества у небольшой группы людей⁸.

Согласно статистическим данным в 2003 г. малые и средние предприятия составляли 99% от числа всех предприятий страны. По расчетам специалиста Дидина Дамахури при поддержке государства доля «народной экономики», составлявшая в национальном хозяйстве в середине 1970-х гг. 25-30% может вырасти примерно через два десятилетия до 70-75%.

Свой вариант модели «народной экономики» предлагал преподаватель экономического факультета Университета Аирлангга Чук Сукиади, одновременно являвшийся исполнительным секретарем Института экономики Нахдатул Улама. Парадигма его модели исходила из установки опоры на саморазвивающееся предпринимательство на основе положения статьи 33

Конституции 1945 года. В ней говорится, что экономика должна основываться на принципе семейственности (*kekeluargaan*). На близких ему позициях был и ректор Университета Три Сакти проф. Т. Мутсиа. Он считал необходимым содействовать дисперсии экономической деятельности народа; утверждению саморазвивающегося предпринимательства; выравниванию экономического развития в масштабах всей страны; эффективному использованию местных природных ресурсов и возможностей; созданию максимально большого числа рабочих мест (или «великой занятости»).

Сторонники развития малого предпринимательства считают также, что в условиях стремительно наступающей глобализации индонезийские предприниматели должны защищать свою культуру и самобытность.

Наиболее ревностным сторонником народной экономики был один из разработчиков ее принципов Ади Сасоно, занимавший в правительстве Б.Ю. Хабиби пост министра по делам кооперации. Оценивая Постановление правительства № 16 «О переходе к созданию «народной экономики», он охарактеризовал его как «историческую коррекцию несбалансированного экономического развития, при котором один процент населения получал возможность обладать 60% национального достояния»⁹. Его взгляды во многом разделял экономист Файсал Басри, который считал крайне несправедливым владение 220 конгломератами компаний 70% национального богатства, в то время как на 38 млн. экономических единиц приходились остальные 30%¹⁰. К тому же конгломераты не сумели заложить устойчивую основу экономики, что и подтверждалось их массовым банкротством в период кризиса. Напротив, отмечал он, малые и средние предприятия проявили устойчивость. В тяжелейший 1998 год 46% из них удалось удержать свое дело на прежнем уровне, 31,1% – вынуждены были его свернуть, а 0,9% даже расширили свою деятельность. Первейшей задачей, по мнению экономиста, является стабилизация и реформирование макроэкономики в целях ликвидации существующих диспропорций, а также избавления от олигополий и чрезмерного монополизма. Добиться эффективной «народной экономики», считает Ф. Басри, возможно лишь при восстановлении и активи-

визировании различных объединений и обществ, а также обеспечении надлежащей инфраструктуры рынка.

К сторонникам изменения модели развития страны примыкал и журналист Дидин Дамахури. По его мнению, надо отказаться от практики преимущественного поощрения деятельности крупного капитала ради продвижения к обществу высоко развитой экономики. Необходимо стимулировать рост среднего класса, открывая возможности для расширения низших форм предпринимательства, и тем самым, по примеру Японии, сохранять социокультурные ценности индонезийского народа.

В свою очередь глава Центра исследования аграрной политики доктор Диллон считал, что создать «народную экономику» на основе рыночного механизма невозможно. Следовательно, полагал он, необходимо реформировать всю бюрократическую систему, которая долгое время действовала исходя из принципов рынка. Ключевым условием для построения «народной экономики» является повышение производительности труда, а значит, повышение квалификации рабочей силы.

Длительные дискуссии индонезийских экономистов и политиков оказались плодотворными. Кабинет Б. Ю. Хабиби успел подготовить и принять перед своим роспуском Постановление № 16 «О переходе страны к построению «народной экономики»¹¹. Однако с приходом нового президента — Абдурахмана Вахида изменился и состав кабинета. В нем оказалось немного сторонников этой модели. Многие считали, что поддержка малого и среднего бизнеса высокочатратна, но низко эффективна. Оппоненты Б. Ю. Хабиби и А. Сасоно обвиняли их в стремлении использовать популярные в народе подходы к развитию хозяйства для укрепления собственных политических позиций. Инициатива сторонников «народной экономики» сдерживалась и даже блокировалась экспертами МВФ, которые настаивали на претворении в жизнь их собственных рекомендаций. В результате эти и другие обстоятельства привели к приостановке мер, направленных на поддержку микро-малого и среднего предпринимательства. Исключение составило выделение в бюджете на 1999/2000 г. 5 165 млрд. рупий на финансирование программы «Обучение и защита народа». (Начиная с 2000 г. финансовый год был приравнен к календарному). Сроки

действия этой программы не указывались, а о системе подготовки квалифицированной рабочей силы ничего не говорилось. Ади Сасоно сумел лишь добиться выделения в бюджете 10,5 млрд. рупий для оказания поддержки кооперативам. В состав следующего кабинета он не вошел, следовательно, утратил возможность оказывать прямое воздействие на экономическую политику. Тем не менее, реальная помощь государства низшим укладам продолжала оказываться.

Следующий состав кабинета значительно увеличил выделяемые средства для низших укладов. В 1999 г. проф. Мубиарто, являвшийся советником министра-координатора по вопросам экономики и финансов, в ходе обсуждения своей книги «Реформирование экономической системы: от капитализма к народной экономике» (1999) отметил, что правительство твердо намерено поддерживать «народную экономику». Свидетельство тому выделение бюджетных средств для «народной экономики» в размере 1,31 трлн. рупий. Основная их часть была предназначена для кооперации и малого предпринимательства. На эти средства оказывалась техническая помощь, и давались субсидии для погашения кредитов¹².

Разработка концепции «народной экономики» находила отклик и в индонезийской умме. В последние десятилетия появился новый сектор в индонезийской экономике – шариатский бэнкинг. Основным принципом формирующейся исламской финансовой системы является запрет на получение прибыли за счет получения банковского процента. Представление о социальной справедливости, равенстве и правах собственности требует, чтобы заемщики и кредиторы получали вознаграждения и несли убытки на паритетных основах. Процесс накопления и создания богатства должен отражать реальный вклад экономических агентов в экономическое развитие¹³.

На начальном этапе учреждения исламских банков весьма важно было добиться компромисса относительно принципа разделения убытков и прибылей всеми участниками экономического процесса. Сторонники данной парадигмы инварианта «народной экономики» считали, что на начальном этапе ее развития необходимо расширить границы совместной экономической деятельности мусульман (santri). Следует отметить, что

название «народная экономика» применительно к Индонезии получает в этом контексте несколько иную трактовку. По численности населения Индонезия является четвертой страной мира. При этом из 240 млн. человек 85% исповедует ислам. Таким образом, Республика Индонезия является государством с самой большой численностью мусульман в мире.

Индонезийские исламские круги после длительного обсуждения и острых дискуссий смогли добиться принятия «Хартии совместного владения» (сокращенно «Хартия Гонтор» — (Piagam Gontor). Она исходила из отрицания парадигмы развития основанного на либеральных и капиталистических принципах. Положения, содержащиеся в Хартии, были призваны стать механизмом выравнивания экономического и социального развития. Такая позиция достаточно широко распространена в Индонезии даже среди молодежи. В частности, директор «Института свободы», неофициально считающийся «мозговым центром», Ризал Малларангенг отмечал, что «идеологически радикальные мусульманские студенты и рабочие всегда были против приватизации, дерегулирования и глобализации»¹⁴.

Одной из первых сфер экономической деятельности мусульман с учетом норм шариата в Юго-Восточной Азии стало банковское дело. Его основы складывались в отдельных странах региона с середины 1960-х гг. В Малайзии первый финансовый институт – Tabung Haji был создан в 1969 году. После издания Закона «Об исламской банковской системе» в федерации был учрежден первый исламский банк – Bank Islam.

Лишь в 1991 г. Совет улемов Индонезии и правительство одобрили план создания исламского банка. В следующем году был открыт первый в стране Банк Муаламат. До этого в Индонезии были лишь небольшие фирмы, которые оперировали с учетом норм шариата в сельских районах. К 2008 г. в Министерстве кооперации и малых предприятий было зарегистрировало почти 2,5 тыс. финансовых институтов, включая кооперации. Они предоставляли кредиты местному населению для совершения хаджа, страхования и других целей. На начальных этапах становления исламского бэнкинга его функции как бы подтверждали близость к народу и малоимущим. В последующие годы Банк Муаламат получил лицензию на оперирование с

иностранной валютой, а затем его акционером стал Исламский банк развития. В 1999 г. правительство разрешило создавать мусульманские банки на всей территории страны. Оно также одобрило введенные правила, создавшие юридическую основу исламского бэнкинга и механизмы его оперирования. По мере становления шариатского бэнкинга менялась и его клиентура. Заметно усилился приток капитала не только из Малайзии и Сингапура, но и из стран Ближнего Востока.

Созданный при Джакартской фондовой бирже Совет индонезийских улемов контролирует списки компаний, числящихся в листинге. Их задача определять есть ли в их деятельности на выходе продукта «греховность» или отклонения от норм шариата. Заключение Совета улемов весьма важно для потенциальных инвесторов из стран Ближнего Востока. Но в тоже время позволяет воздействовать и на бизнесменов своей страны. Предъявляемые требования при прохождении компанией сертификации через Совет весьма строгие. В 2000 г., например, положительная характеристика была дана лишь немногим более трети от общего числа компаний – заявителей.

Потенциально Индонезия представляет большие возможности для развития исламского бэнкинга. В 2008 г. был издан закон, обеспечивающий правовую основу и определяющий принципы и задачи его функционирования. В настоящее время правительство Сусило Бамбанг Юдойоно вырабатывает стратегию развития шариатского банковского сектора. (Grand Strategy Pengembangan Pasar Perbankan Syariah).

Механизм деловой деятельности финансовых институтов и банков формировался постепенно с учетом, хотя и с различной степенью строгости, норм шариата. Главным принципом исламской банковской системы является запрет взимания процента или лихвы (*riba*). Долевое участие (*mudharabah*) предусматривает доверие своих средств банком как собственником капитала предпринимателю. Такие контракты применяются для краткосрочных и среднесрочных проектов. Совместное предпринимательство (*musyarakah*) относится к совместному проекту банка и предпринимателя на основе договора, в котором определяется пропорционально сделанным вложениям разделение прибыли и потерь. Этот вид контрактов имеет место в

большинстве случаев для финансирования долгосрочных инвестиционных проектов. Продукт (*idjarah*) во многом аналогичен лизингу, практикуемому в обычной банковской системе. Его отличие заключается в возможности определять, кто именно несет издержки, связанные со страховкой, и амортизацией.

Инвариант страхования представлен системой солидарности и взаимопомощи в случае ущерба (*takaful*). Категорически считались неприемлемыми взимание процента или ростовщичество (*riba*), азарт (*meisir*), неопределенность (*garar*) На основе этих принципов определялись условия специальных соглашений, финансирование долевого участия в совокупной прибыли, полученной в результате экономической деятельности. К их числу относились и операции, известные как «хорошая ссуда» (*kadrul hasan*). При предоставлении юридическому или физическому лицу ссуды оговаривается срок ее возвращения. Однако проценты не начисляются. При этом такой кредит может рассматриваться как форма благотворительности. Приведенные выше виды инструментов шариатского банкинга далеко не единственные, но они являются наиболее востребованными на данном этапе развития.

При обсуждении соответствия вида деятельности и норм шариата в мусульманских кругах выявляются различные подходы. Наряду с утверждением, что ислам создает основу для побуждения к экономической деятельности, чрезмерное накопление богатства считается недопустимым. Именно поэтому запрещается использовать процент в целях получения прибыли, так как при этом не создается продукт и не улучшается благосостояние общества. Либеральная позиция части правоверных по отношению к исламу в Индонезии появляется достаточно четко. Например, доктор Саид Сираджа считает допустимым отхождение от норм ислама при осуществлении экономической деятельности. При этом он полагает, что не следует всецело воспринимать западные экономические учения. С подобными оценками в Джакарте выступил и глава Торгово-промышленной палаты доцент Шариф Хидьятуллах¹⁵.

Наряду с развитием шариатского банковского сектора в Индонезии набирает темпы рост обрабатывающей промышленности, ориентированной на производство халяльной (*halal*)

продукции. Таким образом, малые и средние предприниматели – мусульмане активно включаются в создающиеся структуры и формируют особый социальный слой. Исламский сектор в экономике страны становится не только важным фактором экономического роста, но и его генератором.

Концепция «народной экономики» находила поддержку и у членов других партий. В частности ее сторонником являлся заместитель генсека ДПИ Б. Сираит, Субур Чахьоно и др. Они полагают, что у кооперации в перспективе есть обширное поле деятельности. В 2009 г. было принято пять программ развития деятельности кооперации — развитие аграрного сектора; увеличение производства электроэнергии; строительство дешевого жилья; расширение пользования информационно-коммуникационной технологией»¹⁶.

Выступая на конференции в Национальный день кооперации (июль 2007 г.) Сусило Бамбанг Юдойоно развернуто изложил свое отношение к выбору модели социально-экономического развития. «Капиталистическая модель экономики – это экономическая система, зависящая от рынка, неспособная установить надежную социальную справедливость и устранить социальные разногласия и неравенство народов. Поэтому, утверждал президент, модель капиталистической экономики не была избрана в Индонезии. Не была выбрана и модель социалистической экономики, на которую возлагалась надежда удовлетворить нужды народа и достичь поставленных целей. Наши отцы-основатели понимали, что такая модель не может стать нашим выбором. Не может стать нашим выбором и неолиберализм. Ибо он ориентируется на свободную торговлю, свободный приток инвестиций, и отвергает роль государства в устранении имеющихся искажений.

Национальная концепция должна отвечать чаяниям и духу нашего народа. Экономика должна быть открытой и социально справедливой. Мы готовы воспринимать все, что помогает укреплять нашу экономику в эру глобализации. Однако роль государства необходима как при поддержке рынка, так и при предоставлении субсидий, защищающих большинство общества»¹⁷. При всей четкости изложенной позиции президента соз-

дается впечатление, что окончательный выбор пути развития стране еще предстоит определить

Видение 2030 (Visi 2030)

Опережая действия правительства, по инициативе снизу была разработана стратегия развития, получившая название «Видение Индонезии в 2030 году». Это был результат совместной работы участников созданного в 2005 г. Форума. В него вошли представители индонезийской профессуры и экспертов ведущих университетов страны: Университет Индонезии, Университет Гаджа Мада, Богорский технологический институт, Университет Паджаджаран, Университет Негри Сурабайя), а также экономисты и социологи, работающие в научно-исследовательских центрах: ЛИПИ, Институт национальной обороны, Институт исследования экономики и общества, Центр транспорта и логистики, Институт исследования электроэнергетики, Центр развития технологии и информатики. А также представители деловой и политической элиты. Практически участники Форума перехватили инициативу у государства, которое является социальным субъектом, определяющим правила функционирования институциональных организаций и долгосрочные перспективы.

После опубликования в 2008 г. «Видение 2030» в стране развернулась дискуссия, которая показала, что эта инициатива индонезийской научной и отчасти политической элиты получила поддержку значительной части не только элиты, но и средних слоев.

В центре внимания стало обсуждение специфики выработки в условиях Индонезии социального контракта. Он включал ряд элементов парадигмы, концептуальные основы которой впервые были предложены Жан Жаком Руссо еще в XVI веке. В частности, наряду с признанием частной собственности и прав ее владельцев, утверждалась и правомерность сохранения коллективной собственности. Данная форма владения обрела непреходящую актуальность, так как множество вариантов форм коллективной собственности все еще сохраняется в различных районах государства - архипелага.

Предлагались и новые формы социального сотрудничества правительства (государства), предпринимателей и бюрократов

тии. Отдельные мероприятия разрабатывались в целях реформирования бюрократического аппарата, армии и оборонной системы. Значительных изменений требовали юридическая система и упорядочение земельных отношений. Необходимо было реформировать рынок труда и повысить качество трудовых ресурсов.

В последние годы проходит преобразование и модернизация системы образования. В государственном бюджете 2010 года на образование отводилась пятая часть расходной части бюджета, что позволило продолжить модернизацию и значительно улучшить качество человеческого капитала. Трудовые ресурсы составляют около 150 млн. человек. Обеспечить их занятость возможно лишь на основе повышения качества человеческого капитала за счет образования и подготовки профессиональных кадров. Авторы «Видения» считают необходимым сдерживать рост «новых бедных» (*pra sejahtera*, т.е. ранее благополучных).

Основными принципами хозяйственной деятельности объявлялось сочетание открытого рынка, государственного регулирования и социального контроля. Но одновременно, считали составители программы, надо создать стабильные и предсказуемые правила предпринимательской деятельности, добиваться сотрудничества общественного и частного хозяйственного секторов при лидирующей роли последнего.

Отдельный блок программы был посвящен социальной политике. Авторы настаивали на необходимости ее последовательности и восстановлении силы закона. Главными задачами было улучшение системы здравоохранения, сокращение смертности, особенно младенческой, а также пропаганда здорового образа жизни. Эти и другие меры должны привести, по мнению составителей «Видения», к продлению ожидаемой жизни к 2030 г. до 74 лет. Согласно расчетам демографов численность населения к этому времени составит 285 млн. человек.

Многие положения «Видения Индонезии в 2030 г.» не только были учтены правительством в последующих законах и постановлениях, но и одобрены Всемирным банком, который выделил Индонезии на проведение реформ 800 млн. долл. США. Однако разразившийся во второй половине 2008 г. гло-

бальный структурный и финансовый кризис вновь заставлял правительство переключить усилия на выработку антикризисной политики.

Первые признаки улучшения ситуации после спада (green roots) свидетельствовали о переходе индонезийской экономики из кризиса в рецессию и последующую стабилизацию. В 2009 г. у основных соседей Индонезии темпы прироста ВВП составляли: у Сингапура 4,4%, Малайзии - 4,2 %, Таиланда - 3,5 %, В Индонезии они оценивались в 4,5% – 5% (перед кризисом было 6%)¹⁸. Не менее убедительны были и данные о темпах роста товарного экспорта в тех же странах: 10,0%, 4,0%, 16,8% соответственно. Внешний долг страны составил 28-29% ВВП, т.е. был умеренным¹⁹. Эти и другие макро показатели свидетельствуют о том, что Индонезия смогла пережить трудный 2009 год и сравнительно легко выйти из глобального финансового кризиса.

Становлению дихотомии «развитие-демократия» способствовали многие факторы. К их числу относится, прежде всего, ликвидация авторитарного режима, борьба с ККН, коррекция вертикали власти, стабилизация внутривластного состояния и формирование гражданского общества. Жесткие уроки азиатского финансового кризиса и трудные поиски выхода из него привели к кардинальному изменению банковской системы. В результате ее реструктуризации к началу 2008 г. из имевшихся 238 банков были ликвидированы или переданы в управление ИБРА 110 банков. Затем последовала рекапитализация банков с учетом соотношения банковского капитала и имевшихся активов, отражающего степень риска неплатежеспособности компании, а также других важнейших нормативных показателей. Позиции Центробанка были укреплены, усилилась транспарентность его деятельности. Расширилась и банковская сеть, в которую входило почти 900 отделений банков. Ужесточился контроль Центробанка над банковской сетью, произошли значительные перемены в руководстве государственных банков. В свою очередь модернизация корпоративного управления позволила значительно улучшить менеджмент. Серьезные изменения претерпела и банковская инфраструктура.

Проведение обширных преобразований банковского дела и других реформ оказалось возможным и благодаря эффективному руководству главы ЦБ Мудионо, избранному в 2009 г. вице-президентом страны, а также министру финансов Сри Мульяни Индравати.

Правительство «единой Индонезии» последовательно проводило дальнейшую либерализацию инвестиционного климата. В 2006 г, 2007 г. и 2008 г. были утверждены три программы, каждая из которых содержала пакет мер, направленных на улучшение инвестиционного климата. Главными из них были налаживание координации между центральным и региональным правительством, упрощение бюрократических процедур, создание гибкой системы налогообложения, введение системы «одного окна». В очередной раз был пересмотрен список секторов экономики, закрытых для ПИИ. Одновременно была значительно расширена допускаемая доля иностранного капитала в различных отраслях, которая варьировалась от 25% до 99%. Принятые законы и постановления наряду с усилением относительной стабильности экономики, привлекало инвесторов, что и позволяло рассчитывать на рост прямых иностранных инвестиций. Только в первые три года правления С.Б. Юдойоно приток ПИИ увеличился в пять раз и составил в 2008 г. свыше 9 млрд. долл. США. В последующие два кризисных года они сократились, но все же правительство считает, что в 2010 г. они увеличатся до 6 700 млрд. долл., а в 2014 г.- почти до 8 млрд. долл. Однако в пересчете на душу населения в 2010 г. в Индонезии приходилось лишь 330 долл., в то время как в Малайзии - 3259 долл. США²⁰. Эти и другие меры по привлечению внутренних и внешних финансовых ресурсов позволяют утверждать, что индонезийское правительство на данном этапе следует модели инвестиционного развития.

Намеченная перспектива преобразований и использования огромного потенциала природных ресурсов позволяет С.Б. Юдойоно заявить, что к 2030 г. доход на душу населения составит 18 тыс. долл. США. Ускорение и модернизация социально-экономического развития дадут возможность Индонезии к этому времени, полагает президент, войти в число ведущих экономических держав мира.

В настоящее время Индонезия является активным членом G-20. Относят ее и к «развивающейся семёрке» (Е-7), в состав которой входят также Бразилия, Россия, Индия, Китай, Мексика и Турция. Согласно прогнозу, рассчитанного на основе продолжения существующих трендов, и опубликованного в докладе «Мир в 2050 году», эксперты Pricewaterhouse Coopers (PwC) полагают, что в Индонезии доход на душу населения возрастет к 2050 г. в 22 раза, и государство-архипелаг станет четвертым рынком в мире. В настоящее время Индонезию все чаще называют третьим государством в Азии после Китая и Индии. У страны есть все необходимые показатели для вхождения в группу стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

Программа реформирования экономики (2010 -2014)

Одержав убедительную победу на президентских выборах С.Б. Юдойоно уже в апреле 2010 г. представил разработанную правительством Программу реформирования экономики на основе намеченных показателей на период до 2014 года. Доход на душу населения предполагается увеличить с 2 590 долл. до 4 500 долл. США. Уровень безработицы сократить с 8% до 5-6%, бедность снизить с 14% до 8-10%, инфляцию уменьшить с 8% до 4-6%. Главными социальными задачами объявлено сокращение разрыва между бедными и богатыми и укрепление социальной и политической стабильности.

Наибольших инвестиций требует инфраструктура, прежде всего энергетика, а также строительство дорог и сооружение мостов, соединяющих важнейшие острова архипелага. Самым грандиозным разрабатываемым проектом является сооружение моста соединяющего Яву с Суматрой протяженностью 29 км, который пройдет по морю. Такой проект требует огромных инвестиций, а отдача от них может быть получена лишь через много лет. Стремясь не допустить отставание развития инфраструктуры, правительство создает наиболее благоприятные условия для ПИИ в этом секторе хозяйства. Значительные средства требуются и для развития энергетике. В настоящее время Индонезия ищет новых партнеров для сооружения электростанций на основе геотермальной и атомной энергии.

Наряду с продолжением развития и модернизации инфраструктуры взят курс на диверсификацию промышленности на

основе концепции создания групп предприятий, т. е. концентрации производства. При этом расширяется диапазон свободы действий индонезийских компаний. Ключевой задачей является повышение эффективности производства и конкурентоспособности индонезийских товаров на мировом рынке.

Одной из важных проблем является выравнивание темпов роста различных отраслей. Отдельные современные отрасли, например, телекоммуникационные сети, развиваются довольно быстро. Мобильной связью в настоящее время охвачено около трети населения. Компании соседних стран, прежде всего Сингапура и Малайзии активно конкурируют с индонезийскими, стремясь захватить значительную часть огромного и перспективного рынка. В тоже время правительство намерено активнее использовать возможности создающегося агропромышленного комплекса, так как оно убеждено в целесообразности производства продовольствия не только для нужд страны, но и на внешний рынок. Предполагается, что приток иностранных инвестиций в эту отрасль поможет интенсивнее осваивать 27 млн. га плодороднейшей земли. Наличие важнейшего природного ресурса дает Индонезии шанс стать лидером в обеспечении продовольствием регион Юго-Восточной Азии. В отличие, например, от Индии, где чрезвычайно остро проявляются парадоксы экономического роста, вызванные несоответствием демографического фактора и возможности интенсивного использования природных ресурсов, прежде всего земли и воды.

Ключевой задачей является повышение эффективности производства и конкурентоспособности индонезийских товаров на мировом рынке. Установки правительства отводили роль генератора развития частнохозяйственному сектору. Крупным компаниям правительство дало установку — ускорить развитие с тем, чтобы не менее 30 из них к 2030 году вошли в число 500 сильнейших компаний мира.

Несмотря на многие позитивные перемены в стране все еще не созданы необходимые предпосылки для инновационного рывка и успешного подъема конкурентоспособности.

- ¹ Kompas. (Jakarta), 21. 03. 2000.
- ² Robinson
- ³ Media Investment on Line. (Jakarta), 2000.
- ⁴ Economist. (L.), Т. 37, N 8405, с. 4.
- ⁵ Пахомова Л.Ф. Индонезия на пути преодоления трудностей//Азия и Африка сегодня. М., №6, 2005, сс.28–33.
- ⁶ Asia Views. (Jakarta), October-November 2009, с. 17.
- ⁷ Там же, с. 16-17.
- ⁸ Suara Pembaruan. (Jakarta).
- ⁹ Profile Industri Kecil dan Kerajinan Rumah Tangga. Badan Pusat Statistik. (Jakarta), с. 15.
- ¹⁰ Suara Pembaruan. 13. 01. 2020.
- ¹¹ Suara Karya. (Jakarta). 19. 01. 1998.
- ¹² Asia Week. (Hong Kong), 25. 07. 2003, с. 9.
- ¹³ Kompas. 07. 01. 1999.
- ¹⁴ Трунин П., Каменских М., Муфтяхетдинова М. Исламская финансовая система. Современное состояние и перспективы развития. ИЭПП, М., 2009, с. 7.
- ¹⁵ Far Eastern Economic Review. Т. 166, N 3, 2003, с. 18.
- ¹⁶ Far Eastern Economic Review. Т. 166, N 3, 2003, с. 18.
- ¹⁷ Berita Tanah Air. М. июль, 2007, с. 6-8.
- ¹⁸ БИКИ. 01.10.2009.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Mudradjat Kuncoro. Ekonomika Indonesia: Dinamika Lingkungan Bisnis di Tengah Kriis Global. (Yogyakarta). 2009.